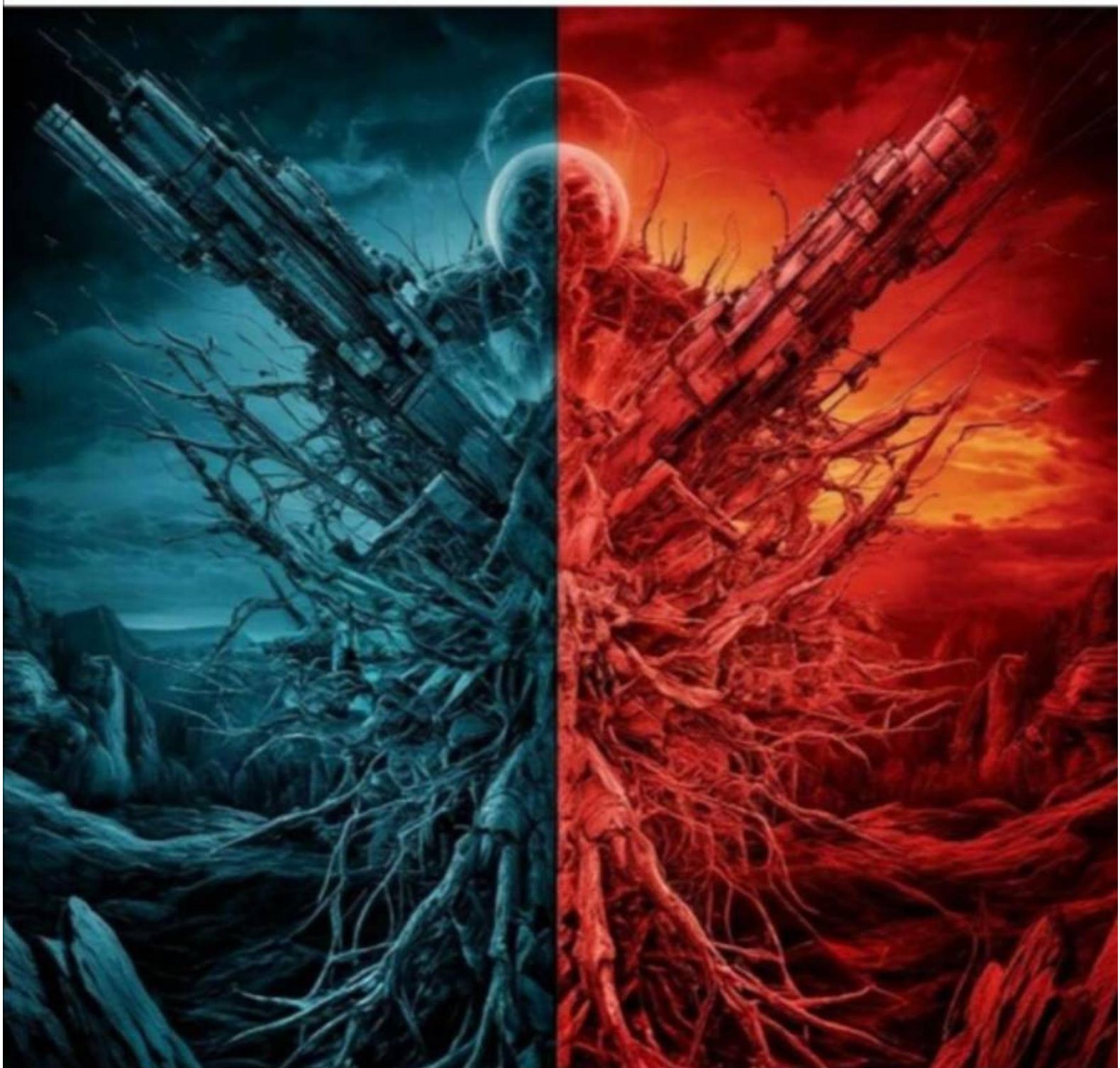
РАДОМИР ВЕСНИН

СИНДРОМ КЕССЛЕРА: ПАДЕНИЕ

Моя публикация

Радомир Веснин

Синдром Кесслера: Падение

«Автор»
2026

Веснин Р.

Синдром Кесслера: Падение / Р. Веснин — «Автор», 2026 — (Моя публикация)

Экипаж станции «Рассвет-2» оказывается в эпицентре космической катастрофы: уничтожение спутников запускает синдром Кесслера — цепную реакцию обломков, стирающую орбитальную инфраструктуру и погружающую Землю в вечную зиму. Алексей, Алиса и Майкл борются за жизнь в ледяной ловушке, а координатор Дэвид Харт делает невозможное, чтобы вернуть их домой. Но спасение — лишь начало пути в мир, где важнее всего память, верность и надежда.

© Веснин Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СИНДРОМ КЕССЛЕРА: ПАДЕНИЕ 5
Пролог 6
Часть I. Начало конца 8
Глава 1. Обычный день на орбите 8
Глава 2. Земля. Утро тревоги 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Синдром Кесслера: Падение

СИНДРОМ КЕССЛЕРА: ПАДЕНИЕ

© Радомир Веснин, 2026

Экипаж станции «Рассвет-2» оказывается в эпицентре космической катастрофы: уничтожение спутников запускает синдром Кесслера — цепную реакцию обломков, стирающую орбитальную инфраструктуру и погружающую Землю в вечную зиму. Алексей, Алиса и Майкл борются за жизнь в ледяной ловушке, а координатор Дэвид Харт делает невозможное, чтобы вернуть их домой. Но спасение — лишь начало пути в мир, где важнее всего память, верность и надежда.

Описанные события являются художественным вымыслом. Упоминания реальных технических систем и комплексов носят исключительно художественный характер и не отражают их действительных характеристик или применения.

12+

Пролог

Высота 780 километров над Землей. Международная орбитальная станция «Рассвет-2»

Командир Алексей Соколов парил в невесомости, проверяя показатели системы жизнеобеспечения. За иллюминатором медленно проплывала Земля — голубая, спокойная, словно и не подозревающая о том, что творится внизу. Его напарник, астронавт NASA Майкл О'Брайен, возился с экспериментальной установкой в лабораторном модуле, а бортинженер Алиса Шевченко, украинка с коротко стриженными волосами, заканчивала сеанс связи с ЦУПом.

— Связь стабильна, — доложила она. — Но внизу что-то нервничают. Передают кучу кодированных сообщений.

— Обычная предстартовая суета, — отозвался Соколов, не отрываясь от планшета. — Готовятся к запуску нового спутника.

О«Брайен хмыкнул:

— Или к чему-то другому. Я слышал, украинцы грозились сбивать российские спутники «Рассвет».

Алиса напряглась, но промолчала. Соколов бросил на неё короткий взгляд.

— Политика нас не касается. Мы здесь ради науки.

Он не успел договорить. Внезапно станция вздрогнула — не от столкновения, а от чего-то далёкого, но мощного. Сработала аварийная сигнализация. На мониторах замигали красные индикаторы.

— Что за чёрт? — О'Брайен оттолкнулся от стены и подлетел к главному пульту.

Алиса уже включила внешние камеры. На экране, в нескольких сотнях километров от станции, расцветал огненный шар — беззвучный, но ослепительно яркий. Это был спутник «Рассвет-1», один из первых аппаратов орбитальной группировки. Его уничтожили.

— Ракета? — прошептала Алиса. — Они сделали это…

Соколов почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Всем в скафандры? — О'Брайен уже тянулся к аварийному шкафу.

— Рано, — резко ответил командир. — Сначала связь с Землёй. Алиса, дай мне канал.

Но ЦУП молчал. Вместо привычного голоса оператора в эфире стоял треск помех. Затем прорвался искажённый голос Дэвида Кима, наземного координатора:

— «Рассвет-2», срочно! Зафиксирован запуск противоспутниковой ракеты. Повторяю, зафиксирован запуск. Вам необходимо начать манёвр уклонения. Координаты обломков передаю…

Экран заполнился цифрами. Соколов быстро ввёл данные в навигационный компьютер.

— Майкл, к двигателям. Алиса, закрепи оборудование.

Он не успел закончить. Второй взрыв — на этот раз ближе. Станция снова содрогнулась. В иллюминаторе Соколов увидел, как от обломков разлетаются сотни мелких фрагментов, сверкающих в солнечном свете, словно рой смертоносных осколков.

— Это только начало, — пробормотал он.

На Земле, в подземном командном центре, Дэвид Харт с ужасом смотрел на мониторы. Данные телеметрии показывали, что каскад столкновений уже запущен. Первый уничтоженный спутник породил облако обломков, которое через несколько минут столкнётся с другими аппаратами. Синдром Кесслера[1], о котором десятилетиями предупреждали учёные, становился реальностью.

— Они не понимают, что наделали, — прошептал он.

Но его никто не услышал. В зале царила паника. Генералы кричали, политики требовали связи с Москвой и Вашингтоном. А наверху, на высоте сотен километров, начиналась цепная реакция, которая изменит судьбу человечества.

Харт схватил микрофон

— «Рассвет-2», ответьте! Вы должны продержаться. Мы сделаем всё возможное…

Но он сам не верил в свои слова.

[1] Синдром Кесслера — описанный американским астрофизиком Дональдом Кесслером в 1978 году, сценарий цепной реакции на орбите, при котором столкновение/взрыв спутников порождает лавину обломков, которые, в свою очередь, уничтожают другие аппараты. При достижении критической плотности мусора орбитальное пространство становится непригодным для космической деятельности, и человечество оказывается запертым на Земле.

Часть I. Начало конца

Глава 1. Обычный день на орбите

Международная орбитальная станция «Рассвет-2», высота 780 километров. 06:00 по Гринвичу

Алексей Соколов проснулся за три минуты до сигнала. Он лежал в спальном мешке, пристёгнутом к стене каюты, и смотрел в темноту, рассеиваемую лишь тусклым индикатором аварийного освещения. Дыхание было ровным, сердце билось спокойно, но сознание уже работало, прокручивая предстоящий день. Так бывало всегда, когда наступала его очередь командовать экипажем: мозг включался раньше тела, словно отлаженный механизм, не позволяя себе ни секунды лишнего сна.

Будильник на его наручном планшете пискнул — тихая, ненавязчивая трель, похожая на звон старинного колокольчика. Алексей выпростал руку из мешка и коснулся сенсорной панели. Сигнал умолк. В наступившей тишине он услышал, как где-то в соседнем модуле включились вентиляторы системы регенерации воздуха — низкий, убаюкивающий гул, к которому за долгие месяцы привыкаешь, как к собственному сердцебиению.

Он расстегнул молнию и медленно, экономя каждое движение, выплыл из спального мешка. В невесомости тело казалось лёгким, почти невесомым — что, впрочем, и было правдой. Алексей потянулся, разминая мышцы, застоявшиеся за ночь в вынужденной позе. Позвонки мягко хрустнули. Он уже давно привык к этому ощущению — в первые дни после старта оно пугало, казалось, что тело разваливается на части, но со временем стало таким же обыденным, как утренний душ на Земле.

Каюта была крошечной — два кубических метра личного пространства, отгороженные от общего объёма тонкой перегородкой. Здесь помещались только спальный мешок, небольшой шкафчик с личными вещами и пара крючков для одежды. На стене, приклеенная полоской липучки, висела фотография: жена Ольга и дочь Настя на фоне осеннего парка. Алексей задержал взгляд на снимке, потом осторожно коснулся его пальцем.

«Скоро увидимся», — мысленно произнёс он, хотя сам не знал, сколько ещё продлится эта экспедиция. Первоначальный план предполагал шесть месяцев, но уже на третий месяц полёта сроки начали сдвигаться. То задерживали запуск грузового корабля, то меняли программу научных экспериментов. Теперь, судя по слухам, могли продлить миссию ещё на квартал.

Он не жаловался. В космосе он чувствовал себя дома — если вообще можно назвать домом металлическую трубу, летящую в пустоте на головокружительной скорости. Но это был его мир, его стихия, его призвание. Ещё с детства, когда мальчишкой он задирал голову к ночному небу над военным городком под Рязанью, Алексей знал, что однажды поднимется туда, к звёздам.

Отец, кадровый офицер ВВС, сначала отнёсся к мечте сына скептически. «Космонавтами не становятся по желанию, — говорил он. — Это судьба, и она выбирает сама». Но Алексей

упорно шёл к цели: окончил лётное училище, служил в истребительной авиации, налетал полторы тысячи часов, прошёл жесточайший отбор в отряд космонавтов. И когда ему исполнилось тридцать пять, судьба наконец улыбнулась.

Первый полёт был коротким — всего две недели на орбите. Второй — полгода на МКС. Третий — уже в качестве командира новой международной станции «Рассвет-2», построенной совместными усилиями России, США, Европы и Китая. Для него это было вершиной карьеры, признанием профессионализма, но Алексей не обольщался: он знал, что за внешним блеском космических программ скрываются годы изнурительной работы, политики и компромиссов.

Он выплыл из каюты в центральный модуль, где царил мягкий белый свет. Станция «Рассвет-2» представляла собой сложное сооружение из нескольких герметичных отсеков, соединённых переходами. Основной модуль, названный «Мир-2» в честь легендарной советской станции, служил жилым и рабочим пространством. От него в разные стороны расходились лабораторные модули «Наука-1» и «Наука-2», технический модуль «Заря-2», американский сегмент «Свобода», европейский «Гармония» и китайский «Тяньхэ-2». Станция была построена с расчётом на длительную эксплуатацию и вмещала до шести человек, но сейчас на борту находились только трое: Алексей, Майкл и Алиса.

Алексей проплыл в санитарный отсек. Здесь было тесно, но всё продумано до мелочей. Вместо душа — влажные салфетки и специальный шампунь, не требующий смывания. Вместо туалета — вакуумное устройство, которое Алексей мысленно называл «космическим унитазом». Он быстро привёл себя в порядок, затем натянул лёгкий комбинезон с эмблемами Роскосмоса, NASA и Европейского космического агентства.

В зеркальной панели отразилось его лицо: сухощавое, с резкими чертами, коротко стриженные тёмно-русые волосы, в которых уже серебрилась седина. Подбородок пересекал тонкий шрам — напоминание о давней аварии на учебном самолёте, когда он чудом остался жив. Тогда ему было двадцать шесть, и он впервые осознал, насколько хрупка человеческая жизнь. Но именно тот случай укрепил его решимость летать: если смерть где-то рядом, то лучше встретить её в небе, чем на земле.

Он поправил воротник и, оттолкнувшись от поручня, поплыл дальше.

— —

В жилом отсеке уже горел свет. Майкл О’Брайен сидел за столом, пристёгнутый ремнями к стулу, и сосредоточенно пил кофе из пластикового пакета с трубочкой. Его рыжеватые волосы были взъерошены, а лицо ещё хранило следы сна. Рядом на столе лежал планшет с расписанием дня.

— Доброе утро, командир, — пробормотал он, не поднимая глаз.

— Доброе, Майкл. Как спалось?

— Как младенцу, которого всю ночь качали в люльке и периодически били по голове.

Алексей усмехнулся и проплыл к своему месту за столом. Он открыл контейнер с едой, достал упаковку сублимированной каши и присоединил её к раздатчику горячей воды. Через минуту завтрак был готов.

— Где Алиса? — спросил он.

— Уже в «Гармонии». Проверяет системы жизнеобеспечения. Сказала, что будет через десять минут.

— Рановато

— Она вообще мало спит. По-моему, её что-то тревожит.

Алексей взглянул на Майкла, но тот уже снова уткнулся в свой кофе. Американец был не слишком разговорчив по утрам, но Алексей давно понял, что за его сарказмом скрывается острый ум и наблюдательность. Майкл замечал детали, которые другие пропускали, и часто делал точные выводы. Вот и сейчас он безошибочно уловил беспокойство бортинженера.

Через несколько минут в проёме появилась Алиса Шевченко. Она плыла легко и быстро, как будто родилась в невесомости. Короткие тёмные волосы были аккуратно причёсаны, лицо свежее, хотя под глазами залегли тени.

— Доброе утро, — поздоровалась она, занимая место за столом. — Докладываю: кислород в норме, давление стабильное, углекислый газ в пределах допустимого. В модуле «Заря-2» небольшая вибрация, но пока не критично.

— Что с вибрацией? — спросил Алексей.

— Похоже, ослабло крепление одной из панелей. Нужно будет подтянуть во время выхода в открытый космос. Но это не срочно.

— Понял. Внесём в план на следующую неделю.

Завтрак прошёл в спокойной, деловой атмосфере. Они обсуждали предстоящий день: эксперимент по выращиванию белковых кристаллов в лаборатории «Наука-1», техническое обслуживание системы регенерации воды, тестирование новой навигационной программы, разработанной Майклом. Алексей распределил обязанности: сам он возьмёт на себя эксперимент, Алиса поможет ему, а Майкл займётся навигацией.

— После обеда у нас сеанс связи с ЦУПом, — напомнил Алексей. — Подготовьте отчёты.

— Есть, командир, — отозвалась Алиса.

Майкл только кивнул.

— —

Лаборатория «Наука-1» представляла собой узкий модуль, заставленный стойками с научным оборудованием. Здесь в условиях микрогравитации проводились эксперименты,

невозможные на Земле: выращивание кристаллов белков, исследование поведения жидкостей, изучение влияния невесомости на живые организмы.

Алексей и Алиса закрепились у установки для кристаллизации. Установка представляла собой прозрачную камеру, внутри которой находились миниатюрные контейнеры с растворами белков. В невесомости кристаллы росли медленнее, но гораздо более упорядоченно, чем на Земле, где гравитация искажала их структуру.

— Образец номер три, — произнесла Алиса, вводя команду на контрольной панели. — Раствор лизоцима, концентрация тридцать миллиграмм на миллилитр.

— Температура? — спросил Алексей, глядя на экран.

— Двадцать два градуса Цельсия. Влажность — сорок процентов.

— Отлично. Запускай процесс.

Алиса нажала кнопку, и внутри камеры началось медленное перемешивание раствора. Алексей прильнул к окуляру микроскопа, наблюдая, как в капле жидкости зарождаются первые кристаллические зародыши — крошечные точки, которые постепенно увеличивались, образуя правильные геометрические формы.

— Красиво, — тихо произнёс он.

— Да, — согласилась Алиса. — Никогда не устаю на это смотреть. В невесомости кристаллы растут как живые существа — медленно, но целеустремлённо.

Алексей улыбнулся. Ему нравилось работать с Алисой. Она была не только отличным инженером, но и тонко чувствующим человеком. Несмотря на молодость, она обладала редкой для её возраста мудростью и спокойствием. Возможно, причина была в том, что она выросла в семье военных и с детства привыкла к дисциплине и ответственности.

— Ты сегодня рано встала, — заметил он, не отрываясь от микроскопа.

— Не спалось, — коротко ответила она.

— Что-то беспокоит?

Алиса помолчала, потом сказала:

— Не знаю. Наверное, просто нервы. Внизу слишком неспокойно.

Алексей оторвался от окуляра и посмотрел на неё.

— Ты о политике?

— О чём же ещё. Украина, Россия, спутники, угрозы. Я стараюсь не думать, но когда вижу новости в перерывах между сеансами, тревога возвращается.

— Мы здесь не для того, чтобы решать политические вопросы, — спокойно сказал Алексей. — Наша задача — наука. И пока мы делаем своё дело, мы полезны и тем, кто на Земле.

Алиса слабо улыбнулась:

— Ты прав. Просто иногда кажется, что всё, что мы делаем здесь, так далеко от того, что творится внизу. Люди воюют, умирают, а мы выращиваем кристаллы.

— Кристаллы — это тоже важно. Из них вырастут лекарства, которые спасут жизни. Может быть, тех самых людей, которые сейчас воюют.

— Ты всегда так оптимистичен.

— Стараюсь. Иначе в космосе сойдёшь с ума.

Они замолчали, сосредоточившись на работе. В камере медленно росли белковые кристаллы, похожие на крошечные драгоценные камни, мерцающие в свете ламп. Где-то далеко внизу, за толщей атмосферы, люди готовились к войне, но здесь, на высоте семисот восьмидесяти километров, царила тишина — глубокая, почти осязаемая.

— —

После обеда Майкл уединился в модуле «Свобода», где располагался его рабочий пост. Он был блестящим специалистом по орбитальной механике, но предпочитал работать в одиночестве, не любя, когда ему мешают. Алексей не возражал: у каждого в экипаже были свои привычки, и до тех пор, пока работа шла споро, он не вмешивался.

Алиса осталась в «Науке-1», чтобы закончить документацию по эксперименту. Алексей же направился в центральный модуль, где нужно было проверить состояние системы регенерации воды. Это была рутинная работа, но требовавшая внимания: малейшая неисправность могла привести к серьёзным проблемам.

Он проплыл по узкому переходу, цепляясь за поручни, и оказался в техническом отсеке. Здесь пахло пластиком и озоном. Вдоль стен тянулись трубы, кабели, вентиляционные короба. Алексей открыл панель управления и начал последовательно проверять показатели датчиков.

Мысли его снова вернулись к Алисе. Она была права: внизу действительно творилось что-то неладное. Ещё вчера, во время вечернего сеанса связи, Дэвид Ким выглядел напряжённым. Он, конечно, старался держаться бодро, но Алексей слишком хорошо знал его, чтобы не заметить тревогу в глазах.

Дэвид Харт был одним из самых опытных координаторов ЦУПа. Молодой, но уже успевший поработать в нескольких международных программах, он отличался редкой для своей должности честностью и прямотой. Алексей доверял ему больше, чем иным начальникам. И если Дэвид нервничал, значит, на Земле происходило что-то серьёзное.

Но Алексей не позволял себе поддаваться панике. В космосе паника — верный путь к гибели. Здесь важны холодный расчёт, дисциплина и умение полагаться на собственные силы. Этому его учили годы тренировок, этому учила сама жизнь.

Он закончил проверку системы регенерации и собирался уже покинуть отсек, когда по станции разнёсся резкий звуковой сигнал — тревога.

— —

Алексей рванулся к переговорному устройству, но не успел — в динамике уже раздался голос Алисы:

— Командир, датчики зафиксировали неопознанный объект, приближающийся с высокой скоростью!

— Где? — крикнул он, отталкиваясь от стены и устремляясь в центральный модуль.

— Траектория пересекается с нашей орбитой. Дистанция быстро сокращается. Расчётное время сближения — менее двух минут.

Алексей влетел в центральный пост. Алиса уже склонилась над пультом, Майкл подплыл к навигационному компьютеру.

— Что это? — спросил Алексей, занимая командирское место.

— Похоже на обломок, — ответила Алиса. — Небольшой, но движется с огромной скоростью. Если попадёт в нас, пробьёт обшивку.

— Данные! — рявкнул Алексей.

Майкл быстро ввёл координаты в программу. На экране возникла схема: красная точка — объект, зелёная линия — орбита станции.

— Объект пройдёт в опасной близости, — доложил он. — Минимальное расстояние — около восьмисот метров.

— Восемьсот метров? — переспросил Алексей. — Это слишком близко.

— Да, но не критично. Станция в безопасности, если траектория не изменится.

— А если изменится?

— Тогда у нас проблемы.

Алексей приказал:

— Алиса, готовь систему аварийного оповещения. Если объект сместится хотя бы на сто метров в нашу сторону, будем маневрировать.

— Но у нас нет времени на манёвр, — возразил Майкл. — Двигатели не успеют разогреться.

— Тогда будем уклоняться, используя гироскопы. Готовьтесь.

На станции воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением аппаратуры. Все трое замерли, вглядываясь в экраны. Объект приближался, но его траектория оставалась стабильной. Через полторы минуты он пролетел мимо — яркая точка, мелькнувшая в иллюминаторе и исчезнувшая в темноте.

Алексей выдохнул

— Объект миновал станцию, — доложила Алиса дрожащим голосом. — Расстояние — восемьсот сорок метров.

— Все живы, — констатировал Алексей. — Что это было?

Майкл уже анализировал данные.

— Судя по сигнатуре, это был фрагмент какого-то разрушенного спутника. Очень странно.

— Почему странно?

— Потому что в этом районе орбиты не должно быть обломков.

— Нужно доложить в ЦУП.

Алексей включил канал связи с Землёй. Но вместо голоса оператора в эфире слышался лишь треск помех. Он попробовал другой канал — то же самое.

— Связь с ЦУПом нестабильна, — доложил он. — Похоже, внизу что-то глушат.

— Или что-то случилось с ретрансляторами, — мрачно произнёс Майкл.

Алексей сжал поручень. Внутри снова поднялась тревога — уже не за станцию, а за тех, кто остался внизу. Он ещё не знал, что через несколько часов его худшие опасения подтвердятся, но уже чувствовал: этот день запомнится надолго.

— Продолжаем попытки связи, — приказал он. — Алиса, проверь все каналы. Майкл, проанализируй параметры обломка. Нужно понять, что его породило.

— Есть

— Я попробую связаться через спутник-ретранслятор, — добавила Алиса.

Она склонилась над панелью, нажимая кнопки. В динамиках по-прежнему слышались только помехи. Алексей подплыл к иллюминатору и посмотрел вниз, на Землю. Она была прекрасна и безмятежна: белые облака, голубые океаны, зелёные массивы континентов. Но под этой красотой скрывалось нечто тёмное, готовое вырваться наружу.

— Командир, — позвала Алиса. — Мне удалось перехватить обрывок военной радиопередачи. Очень слабый сигнал.

— Что там?

— Кажется, говорят о запуске… какой-то ракеты. И о… спутнике. Но я не уверена.

Алексей повернулся к ней:

— Воспроизведи.

Алиса включила запись. Из динамиков донёсся искажённый голос:

— …намеренна поразить… цель — «Рассвет-1»…

Алексей похолодел. «Рассвет-1» — это был первый спутник орбитальной группировки, выведенный на орбиту три месяца назад. Тот самый, за которым они наблюдали с борта станции.

— Это наш спутник, — тихо произнёс Майкл. — целятся в наш спутник.

Алексей не ответил. Он продолжал смотреть в иллюминатор, где внизу, среди облаков, разгоралось зарево — отблеск далёкого взрыва, невидимого с такого расстояния, но уже изменившего всё.

— Продолжайте попытки связаться с ЦУПом, — наконец сказал он. — И готовьтесь к худшему.

— —

День, начавшийся так обычно, превращался в кошмар. Экипаж «Рассвет-2» ещё не знал, что стал свидетелем начала цепной реакции, которая приведёт к гибели орбитальной инфраструктуры и навсегда закроет человечеству дорогу в космос. Они знали только одно: внизу началось что-то ужасное, и теперь их собственная жизнь висит на волоске.

Алексей Соколов, всю жизнь стремившийся к звёздам, теперь стоял у иллюминатора и смотрел, как Земля медленно поворачивается, подставляя солнцу свои континенты и океаны. Он чувствовал себя беспомощным, но не позволял страху взять верх. Он был командиром, и его долг — сохранить экипаж.

— Алиса, Майкл, — проговорил он ровным голосом. — Работаем. У нас ещё есть задачи.

Они переглянулись, но никто не возразил. Каждый вернулся к своему пульту, и на станции воцарилась напряжённая, но собранная атмосфера. Впереди их ждало долгое испытание, о масштабах которого они пока не догадывались.

Глава 2. Земля. Утро тревоги

Москва, 06:30 по московскому времени

Дэвид Харт проснулся от вибрации телефона на тумбочке. Он не сразу понял, где находится. Комнату заливал серый утренний свет, просачивавшийся сквозь плотные шторы. За окном шумел город — приглушённо, как будто из другого мира. Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь к этому шуму, и пытался собрать мысли воедино.

Телефон снова завибрировал. Дэвид протянул руку, взял его и взглянул на экран. Сообщение от оперативного дежурного ЦУПа: «Срочно. Ситуация обостряется. Ждём вас к восьми». Он вздохнул и сел на кровати, свесив ноги.

Сон отступил быстро, уступив место привычной тревоге, которая в последние недели стала его постоянным спутником. Дэвид провёл ладонью по лицу, ощущая колючую щетину. Он не брился уже три дня — сначала не было времени, потом просто забывал. Жена бы сказала, что он запустил себя, и была бы права.

Он встал, подошёл к окну и отдёрнул штору. Внизу, в серой предрассветной мгле, тянулась бесконечная вереница машин. Москва просыпалась, не подозревая о том, что где-то на орбите, в восьмистах километрах над её головой, готовится катастрофа.

Дэвид прошёл в ванную, умылся холодной водой и посмотрел на себя в зеркало. Ему было тридцать шесть, но выглядел он старше: глубокие тени под глазами, морщины на лбу, седина на висках, появившаяся за последний год. Он был высок, худощав, с чёрными волосами и раскосыми глазами — наследство корейского отца. В детстве его дразнили за внешность, но теперь это стало частью его идентичности.

Он почистил зубы, натянул рубашку и брюки, приготовленные с вечера, и вышел в маленькую кухню. Квартира была съёмной, обставленной безлико и стандартно: белые стены, тёмный ламинат, пластиковая мебель. Дэвид редко бывал здесь — всё время проводил в ЦУПе или в командировках. Дом был в Хьюстоне, с женой Элен и двумя дочерьми. Он скучал по ним каждую минуту, но работа держала его в России.

Он включил кофемашину и, пока она готовила эспрессо, открыл ноутбук, чтобы проверить почту. Среди десятков писем выделялось одно от коллеги из NASA с пометкой «Конфиденциально». Дэвид открыл его и пробежал глазами:

«Дэвид, ситуация критическая. Украинцы получили противоспутниковое оружие от наших европейских союзников. Похоже, удар по „Рассвету-1“ будет нанесён в ближайшие 24–48 часов. Официального уведомления не будет. Будь готов. Свяжись со мной по защищённому каналу, как только сможешь».

Он перечитал письмо дважды, затем закрыл ноутбук. Руки слегка дрожали. Он знал, что это не просто слухи — его источник был надёжен, бывший наставник из NASA, работавший в отделе анализа разведданных. Если он писал такое, значит, всё серьёзно.

Дэвид допил кофе, взял телефон и вызвал такси. До ЦУПа ехать минут сорок, если повезёт. По дороге он попытался позвонить жене, но в этот час у неё было три часа ночи по хьюстонскому времени. Он не стал будить её и написал короткое сообщение: «Всё в порядке. Люблю тебя. Обнимаю девочек». Отправил, убрал телефон в карман.

Машина ехала по утренней Москве, мимо серых жилых кварталов, торговых центров, рекламных щитов. Дэвид смотрел в окно, но не видел города. Его мысли были далеко — на орбите, где сейчас мирно спали Алексей Соколов, Алиса Шевченко и Майкл О'Брайен. Они не знали, что их жизнь скоро изменится навсегда.

В 07:50 он вышел из такси у проходной ЦУПа. Охранник, пожилой мужчина с усталыми глазами, проверил его пропуск и кивнул. Дэвид прошёл через турникет, поднялся на лифте на третий этаж. В коридорах было необычно тихо, но в воздухе чувствовалось напряжение. Сотрудники переговаривались вполголоса, лица были сосредоточенными.

В главном зале управления царил полумрак — работали только аварийные светильники. На огромных мониторах отображались телеметрические данные станции «Рассвет-2» и орбитальной группировки «Рассвет». Дэвид подошёл к своему пульту, где уже стоял Сергей Тарасов, начальник ночной смены.

— Хорошо, что ты пришёл, — без предисловий сказал Тарасов. — Мы получили сообщение из министерства. Украинцы официально заявили, что будут сбивать наши спутники. Они уже развернули пусковую установку где-то в Карпатах.

— Я знаю, — ответил Дэвид, присаживаясь в кресло. — Мне написал Бенсон из NASA.

Тарасов нахмурился:

— Значит, информация подтверждается. Плохо.

— Очень плохо.

Они оба замолчали, глядя на экраны. На одном из них отображалась карта Европы с отмеченными точками противоспутниковых комплексов. Их было несколько: одна в западной Украине, две в Польше, одна в Румынии. Все они были нацелены на орбиты российских спутников.

— Когда, по-твоему, они нанесут удар? — спросил Дэвид.

— По нашим данным, в ближайшие часы. Возможно, сегодня вечером. Они ждут окончательного приказа из Киева.

— А что говорит наше руководство?

Тарасов усмехнулся:

— Ничего внятного. Приказано не вмешиваться и ждать. Но мы обязаны предупредить экипаж.

Дэвид кивнул:

— Я передам сообщение по протоколу «Буря». Алексей поймёт.

Он включил канал связи со станцией. На экране появился индикатор вызова, но вместо голоса Алексея в динамиках раздался треск помех.

— Связь нестабильна, — заметил Дэвид. — Похоже, кто-то глушит.

— Да, мы зафиксировали активность радиоэлектронной борьбы в районе орбиты. Возможно, они готовятся к удару.

Дэвид сжал кулаки. Он чувствовал, как внутри нарастает гнев. Эти люди внизу, в кабинетах, играли судьбами тех, кто был наверху, не понимая последствий. Или понимая, но не желая ничего менять.

В 08:30 началось экстренное совещание в конференц-зале. Присутствовали все координаторы смен, начальники отделов, представители военного командования. Гусев, начальник отдела управления полётами, открыл совещание коротким вступительным словом:

— Товарищи, ситуация следующая. Украинская сторона при поддержке западных союзников готовит удар по нашей орбитальной группировке «Рассвет». По данным разведки, первый пуск может состояться сегодня. Наша задача — обеспечить безопасность экипажа станции «Рассвет-2» и минимизировать ущерб.

Кто-то поднял руку:

— А как мы можем защитить спутники?

— У нас нет средств перехвата, — ответил Гусев. — Единственное, что мы можем сделать, — это предупредить экипаж и дать им рекомендации по уклонению. Кроме того, мы готовим ответные меры. Но это уже компетенция военных.

Дэвид не выдержал:

— А вы понимаете, что уничтожение одного спутника может запустить цепную реакцию? Синдром Кесслера никто не отменял. Обломки могут столкнуться с другими аппаратами, и тогда мы потеряем всю орбитальную инфраструктуру.

Гусев посмотрел на него с раздражением:

— Дэвид, я понимаю твою озабоченность. Но решение принято на высшем уровне. Мы не можем остановить украинцев. Мы можем только реагировать.

— Но мы можем хотя бы предупредить мировое сообщество! Если бы люди знали, что им грозит, они бы остановили это безумие!

— Ты говоришь как идеалист, — холодно произнёс Гусев. — Политики не слушают учёных. Они слушают только силу.

Дэвид хотел возразить, но Гусев уже переключился на другого докладчика. Он замолчал, понимая, что спорить бесполезно.

После совещания он вернулся в зал управления. Его коллега, молодой инженер из отдела баллистики, подошёл к нему.

— Ты был прав, — тихо сказал он. — Мы просчитали сценарий. Если они собьют хотя бы один спутник, обломки разлетятся по всем направлениям. Вероятность столкновения с другими аппаратами — свыше семидесяти процентов.

— И что будет дальше? — спросил Дэвид.

— Каскад. Через несколько недель орбита станет непригодной для полётов. Мы потеряем связь, навигацию, метеорологию. И это только начало.

Дэвид медленно кивнул. Он знал, к чему всё идёт. Оставалось только надеяться, что удар не произойдёт.

Но в 14:00 по московскому времени поступило подтверждение: украинские военные начали подготовку к пуску. По данным разведки, ракета-перехватчик была установлена на мобильной платформе и готова к запуску. Цель — спутник «Рассвет-1», находившийся на высоте 720 километров.

Дэвид немедленно включил канал связи со станцией. На этот раз связь была лучше, и он услышал голос Алексея Соколова:

— «Рассвет-2» на связи. Что случилось, Дэвид?

— Алекс, у нас плохие новости. Украинцы готовят удар по «Рассвету-1». Возможно, в ближайшие часы. Будьте готовы к манёврам уклонения. Возможны перебои со связью.

— Принято. Мы уже заметили странный объект на орбите. Возможно, это обломок.

Дэвид почувствовал, как сердце упало:

— Обломок? Вы уверены?

— Да. Он прошёл в восьмистах метрах от станции. Мы перехватили обрывок военной передачи. Кто-то уже сбил спутник.

Дэвид закрыл глаза. Значит, всё уже началось.

— Держитесь, — сказал он. — Я постараюсь передать вам больше информации.

— Спасибо, Дэвид. Мы на связи.

Экран погас. Дэвид откинулся на спинку кресла и потёр лицо. Вокруг него кипела работа: операторы вводили команды, связисты пытались восстановить каналы, военные отдавали приказы. Но всё это казалось бессмысленным в свете того, что происходило наверху.

В 16:00 поступил приказ от военного командования: «В случае удара по нашим спутникам ответить адекватно». Дэвид знал, что это означает: Россия нанесёт ответный удар по украинскому спутнику. И это только усугубит ситуацию.

В 18:20 вечера, когда уже стемнело, в ЦУПе прозвучал сигнал тревоги. С внешних постов наблюдения сообщили о старте баллистической ракеты с территории Украины. Траектория указывала на орбиту «Рассвета-1».

Дэвид вскочил и бросился к своему пульту. На экране отображалась телеметрия станции. Алексей, Алиса и Майкл уже знали о запуске — Дэвид успел передать им предупреждение. Теперь они маневрировали, уклоняясь от возможных обломков.

— Ракета вышла на расчётную траекторию, — доложил оператор. — Время до цели — три минуты.

Дэвид смотрел на карту, где красная точка ракеты неумолимо приближалась к зелёной точке спутника. Всё происходило как в замедленной съёмке.

— Цель захвачена, — раздался голос.

— Попадание! — крикнул кто-то.

Дэвид не видел взрыва, но через несколько секунд на экране исчезла зелёная точка «Рассвет-1». Вместо неё появились десятки мелких красных точек — обломков, разлетающихся в разные стороны.

— Спутник уничтожен, — доложил оператор с дрожью в голосе.

В зале наступила тишина. Дэвид смотрел на экран, не в силах отвести взгляд. Это был конец. Конец орбитальной группировки, конец космической эры, конец старого мира.

Через несколько минут пришёл приказ: «Ответный удар разрешён». Дэвид не слышал, как отдавались команды, но знал, что где-то в Сибири стартовала ракета, нацеленная на украинский спутник. Он не хотел этого, но ничего не мог изменить.

В 18:45 российская ракета поразила украинский спутник связи. Обломки двух аппаратов начали сталкиваться с другими, порождая новые фрагменты. Цепная реакция запустилась.

Дэвид попытался связаться со станцией, но канал был забит помехами. Он повторял вызов снова и снова, но в ответ слышал только тишину.

— «Рассвет-2», ответьте! — кричал он в микрофон. — Алекс! Алиса! Майкл!

Никто не ответил.

Дэвид уронил голову на руки. Он знал, что экипаж в опасности, что орбита превращается в минное поле, что Земля скоро погрузится в хаос. Но в этот момент он чувствовал только одно — бесконечное одиночество перед лицом катастрофы.

Сзади подошёл Тарасов и положил руку ему на плечо.

— Они живы, — тихо сказал он. — Я видел телеметрию. Станция цела. Они просто не могут выйти на связь.

Дэвид поднял голову:

— Надолго ли?

Тарасов не ответил. Он смотрел на экраны, где множились красные точки, и молчал.

В этот момент Дэвид понял, что их жизнь уже никогда не будет прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.